

ПОЖАРЫ
НАД СТРАНОЙ

Михаил
ЛИТВИНСКИЙ

Михаил Литвинский
Пожары над страной

«Издательские решения»

Литвинский М.

Пожары над страной / М. Литвинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830244-2

Детективная история, любовь, судьба и время на фоне войны на Украине, все переплетено общим смыслом — поиском. История о том, какая любовь движет женщиной — к мужчине, к сыну, к своему Отечеству. В книге с такой острой и горькой простотой показана трагедия обычного человека, оказавшегося на «границе» истории. И что особенно интересно — сами эти люди, герои автора, не воспринимают то, что с ними происходит как трагедию, они это воспринимают просто как жизнь. Радуются, борются и побеждают!

ISBN 978-5-44-830244-2

© Литвинский М.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Десять писем к Еве	23
Мусса. Автобиографическая повесть	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пожары над страной

Михаил Литвинский

© Михаил Литвинский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

...представил со сцены свою новую песню

Место действия – Украина.

Пожары над страной все выше, жарче, веселее,
Их отблески плясали – два притопа, три прихлопа,
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там – в галоп, под пули в лоб,
И мир ударило в озноб от этого галопа.

Парадоксальная братоубийственная война – черная дыра, всосавшая 3000 человеческих жизней.

«А там – в галоп, под пули в лоб, и мир ударило в озноб от этого галопа», задолго до этих событий пропел Владимир Высоцкий. «Место действия – Украина». Как он мог предвидеть?!

Самые кровавые войны в истории человечества происходят в результате призыва к справедливости. И, как ни парадоксально, по обеим сторонам баррикад это звучит под знаком любви к своему Отечеству. Но совершенно чистой и незапятнанной во все времена остается любовь материнская. Таким примером в книге является любовь Евы к своему сыну Николаю. Она, не задумываясь, рискует своей жизнью и побеждает. В поисках сына Ева передвигается по этой огнедышащей лаве войне: самолетом, поездом, морем на корабле, в кузове старой грузовой полуторки. Ночует в доме с разрушенной снарядом крышей, чистит картошку на блокпостах и, в конце концов, находит своего Николая с простреленными ногами и сохраняет ему жизнь.

Глава 1

Самолет Нью-Йорк – Киев приземлился в полдень. Никто не аплодировал. Люди были напуганы происходящим на юго-востоке Украины, и многие решили, что сбитых самолетов достаточно. Как говорится, в одну воронку два раза не попадает. Еве предстояла дальняя дорога во Львов. Поезд из Киева отправлялся в 20.44, и можно было успеть прогуляться по городу, взглянуть на Майдан. «Как быстро все изменилось. И люди вокруг вроде уже другие».

– Вы будете проходить? – спросила женщина, вплотную приблизившись сзади и упираясь сумкой в спину Евы. Она вспомнила, как в Нью-Йорке ей пришлось стоять в очереди в одном из иммиграционных офисов. Там она не коснулась женщины, но подошла очень близко к этой афроамериканке. И получила, как удар по голове, уничтожающий взгляд. В нем были одновременно и злость, и ненависть, и безразличие. С тех пор она установила для себя дистанцию: не ближе вытянутой руки. А тут вдруг – сумка в бок! «Приехали!» – подумала Ева и, подхватив ручную кладь, поторопилась к выходу. Присоединилась к толпе, молча ожидая автобуса...

...В ожидании багажа услышала не совсем правильную украинскую речь. Ева точно не могла определить, к какому региону относится говор, поскольку сама уже отвыкла от чистого украинского.

– І де ви здобули телегу?¹ – спросила ее рядом стоящая женщина.

Ева задумалась: а как же правильно назвать эту тележку на родном языке? Они стояли, как поездной состав, при входе и, казалось, были доступны. Но – уввы! – необходимо было оплатить сию роскошь. «Слава Богу, они хоть в наличии», – подумала Ева, у которой уже возникали проблемы из-за отсутствия тележек, когда она улетала в последний раз.

Носильщик стоил дорого, а у нее столько багажа! И самое главное – ее творчество, ее душа – петриковская живопись. Еве в свое время пророчили большое будущее, педагоги нахвалялись. Выставки в столице, хвалебные статьи в местной и даже международной прессе. Затем несколько картин купили. Но эти деньги не кормили. В надежде приобрести известность и прокормить семью она одолжила энную сумму, купила билет и улетела в Америку. И тут случилось то, чего она никак не предполагала. Петриковская живопись с ее неповторимым национальным колоритом оказалась здесь никому не нужна. Даже ярые украинские националисты подчас не знали, что это такое. Ей пришлось просто раздаривать незнакомым людям все, что она привезла с собой, и то, что начала писать тут, в Америке.

«Красиво, – говорили они, – напоминает Украину». В ответ Ева получала нищенское пожертвование... Надо было что-то делать. Во Львове остались мать и двое сыновей. Старшему, Николаю, на момент ее отъезда было 16, младшему, Иванко (звали его на украинский манер), – четыре. Он был настолько хорош, что влюблял в себя при первой же встрече. Он и сейчас стоял у нее перед глазами...

– Пані, паспорт, please².

Только сейчас она заметила, что стоит перед окном миграционного контроля. Но все, что видела перед собой, – милое детское личико маленького Иванки.

– Вибачте³, – ответила она и стала копошиться в своей сумке.

Со старшим, Николаем, было проще. Но тревожнее. Он часто замыкался в себе, был под влиянием друзей. В период детства, как и многих его сверстников, национальная идеология мальчика не волновала. «Но все может измениться в один день», – предупреждала Еву мать,

¹ Здесь и далее по тексту перевод с украинского. И где вы раздобыли телегу?

² Женщина, паспорт, пожалуйста

³ Извините.

наполовину русская, наполовину украинка. А сколько мама пережила! Были поляки, немцы, коммунисты, голодомор... Все прошло.

«Боже мой, моя Украина!» – думала Ева, вглядываясь в типично украинское лицо девушки-служачей. Любовь к родной земле переполняла ее с каждым прожитым годом все больше и больше. Даже потеря любимого человека не сломала. В 2005 году отец двоих ее сыновей в результате аварии под Ивано-Франковском отравился белым фосфором и умер в больнице. Не случись этого, никогда бы она не уехала на заработки в Америку. Рана уже почти зажила. А теперь вот другая: пожар в Украине. Запыхал Майдан! Мама пишет, что с детьми все хорошо, но она явно чего-то не договаривает. Нужно скорее домой.

«Вот погуляю по Киеву, проведу Майдан, зайду в Лавру, а вдруг еще висят там мои работы...» Она села в автобус, идущий на ж/д вокзал, где можно было оставить вещи в камере хранения. Уже сидя в автобусе стала рассматривать людей и заметила озабоченность на лицах. Исчезла праздность, все одеты в темное, задумчивы и молчаливы.

Рядом с ней несколько человек на украинском обсуждали события на юго-востоке Украины. Ева ощутила, что это не дом, не ее любимый город Львов с характерным мягким акцентом. Тут еще была Россия, которая незримо присутствовала даже в родном украинском языке.

Железнодорожный вокзал, как в старые добрые времена, был переполнен: все куда-то спешили. «Неужели уже тут начинается Майдан?» – подумала Ева. Помимо милиции было очень много добровольческих патрулей. Еве показалось, что они обращают больше внимания на русскоговорящих, чем на украиноязычных. Какой-то Правый сектор... Национальная гвардия... Все это напоминало ей воинственные немецкие названия из к/ф «Семнадцать мгновений весны». И вот она уже на Крещатике. Такого Ева не ожидала... Разобранная брусчатка, обгоревшее здание в самом центре, обросшие грязью и мусором люди, сидящие среди этой экзотики. Они вроде бы казались своими и, в то же

время, походили на ряженых.

– Пані, заходьте до нас⁴, – пригласил ее не то мужчина, не то подросток. – Сідайте⁵, – и налил ей из закопченного чайника с запахом дымка в алюминиевую кружку, напомнившую Еве о бабушкином огородном хозяйстве, крепко заваренного чаю.

«Запахи детства, – подумала Ева. – И это в Киеве, в центре столицы».

– Откуда приехали? – перешел парень на чистый русский.

– Звідкіля?⁶ – задала тот же вопрос ряженая молодая женщина в тельняшке.

«Совсем как комиссарша из повести Серафимовича времен революции», – подумала Ева, и ей стало интересно.

– Мы уважаем людей и языки всех национальностей, которые с нами солидарны. И нам приятно, что вы тут у нас в гостях.

Они оказались ее земляками, из Львова, говорили о своем Майдане, рассказывали о революции, о Небесной сотне, положившей жизни за Украину. Ева внимательно слушала и уже видела эти лица среди своих петриковских подсолнухов и раскрашенных петухов. Вспомнив, что у нее вечером поезд, и ей обязательно еще нужно успеть в Киево-Печерскую лавру, она собралась уже уходить, как вдруг полог палатки распахнулся, и на пороге возник герой-любовник. Ева больше всего боялась таких мужчин. Сразу определила: ее тип. Зеленый камуфляж подчеркивал его стальной характер и выгодно обтягивал атлетическую фигуру.

– Здоровеньки були!⁷ – поприветствовал он всех с порога и представился: – Прошу любить и жаловать. Сотник Андрей.

⁴ Женщина, заходите к нам

⁵ Присаживайтесь

⁶ Откуда?

⁷ Желая здравствовать!

– Горе ты мое луковое! – сказала женщина-комиссар, прожигая Андрея влюбленными глазами. – Какой ты сотник? Ты наш, безлошадный.

Андрей понял, что переход на русский – дань уважения к гостье, которую он сразу оценил, и перешел на смешанную речь.

– Такая добрая жинка, а москалька. Не може бути!

– На Майдане случается всякое. На то он и Майдан, – отметил мужчина-подросток.

– Я пошел в штаб. Там сегодня должна была решиться судьба нашего городка. Если нас снесут, думаю, что гостиницу не предложат. Меня тут уже приспособили: заставили комплектовать новую сотню. Желающих – море. Для вас, пани, медицинская должность есть. А еще лучше, пани-мадам, не хотите ли вам стать моим адъютантом? Вы не представляете, какие нас ждут великие дела! В ближайшее время едем в Одессу. Будем вправлять мозги тамошним сепаратистам.

Ева уже поняла, что просто так эта встреча для нее не закончится. Она уже физически ощущала этого человека. Но она не имеет права... Ее ждут дети... Эти проклятые инстинкты: так легко совершаются ошибки. Тогда, в 2005-м, когда погиб любимый человек, не прошло еще и сорока дней, как нарисовался один такой. И она не смогла устоять. Русскоговорящий, он зачем-то приехал во Львов из Америки. Из обрывков его телефонных разговоров она поняла, что бизнес мужчины – оружие. Как красиво он ухаживал! А потом протоптал дорожку в ее дом: нашел подход к детям и к матери. Убедил Еву, что ей необходимо уехать, и помог в этом. Нет, они не стали мужем и женой в Украине, но он сумел обставить все так, что и мать, и дети благословили ее отъезд. И вот сейчас – очередной тип. Он сходу, как рубака-кавалерист, – шашки наголо! – влетает в твою судьбу, и ты бессильна этому оспрепятствовать...

– Так куда путь держите, красавица? – вернул он Еву в действительность. – В городе неспокойно. Я готов оградить вас от возможных неприятностей.

– Мне нужно в Лавру, а вечером у меня поезд.

– Вот и прекрасно. С кандидатами в мою сотню я встречаюсь только завтра. А сегодня я в вашем распоряжении.

И в его лице и фигуре появилась такая уверенность, как будто он ее уже завоевал. Еве совсем не нужны были новые неожиданности. Но она согласилась, увидав, что происходит в городе, где-то в глубине души надеясь, что он оставит ее в покое на перроне поезда. Дети – вот что было самым главным сейчас. Быстрее увидеть их лица. Обнять. Расцеловать. Как хорошо, что у нее поезд сегодня вечером.

Андрей, хлебнув воды прямо из носика закопченного чайника, широким движением руки вытер густые усы. И ей показалось, что она уже никогда не сможет ему противостоять. Выходя из палатки, он крепко взял ее за руку и увлек за собой. Ева заметила, что он более всех выделяется среди этой разношерстной толпы. К тому же полная противоположность американскому Степану, от которого она совсем недавно сбежала... Ее охватило волнение за детей с тех пор, как она услышала о мобилизации в Украине.

«Коленька! Мой сынок. Ему ведь уже восемнадцать, – вспомнила она. – И мама не написала о нем ни слова...» А этот самец с обходительными манерами, который приехал из США, буквально вырвал ее из семьи и увез с собой. Кроме постели, его больше ничего в ней не интересовало. И эта его бесконечная занятость. Уже через три месяца она сбежала от него и решила самостоятельно встать на ноги.

И вот она здесь, вдали от него, и новый самец держит ее за руку. Они уже заходили в полуобгоревшее здание, когда она услышала: «Слава Украине!» Это звучало то слева, то справа. Она поняла, что приветствуют их, в том числе и ее. И ее переполнило гордостью от принадлежности к этому обществу, к Украине. Внутри здания ощущение собственной значимости все возрастало и возрастало. Потом ей показалось, что они на съемочной площадке, где Андрей играет одну из главных ролей. Ева видела такое в старых советских фильмах о револю-

ции. Огромное количество комнат без дверей, и в каждой расстелены постели прямо на полу. На них было разбросано нехитрое имущество постояльцев. Кое-кто из них отдыхал после ночного дежурства. В двухцентральных комнатах располагались приемные, где запросто можно было пообщаться с начальством. В одной из комнат висел огромный портрет Степана Бандеры. Андрей подошел к столу под портретом и поприветствовал коренастого мужчину с суровым взглядом. Они оба подняли правую руку перед собой, и она услышала: «Слава Украине!»

По тому, как Андрей двинулся навстречу и динамично пожал руку этому человеку, Ева поняла, что это важный начальник. Молодой юноша, оказавшийся рядом с ней, представил главного, шепнув ей прямо в ухо:

– Дмитрий Ярош. Голова Правого сектору, – и добавил, обращаясь уже к Андрею: – Ну как, сотня готова к отправке?

– Завтра к вечеру мы будем готовы. Нам не помешают боеприпасы и несколько единиц оружия.

– Получите на вокзале, по этой накладной, – сказал Ярош и передал бумажку Андрею.

По глазам парня Ева поняла, какое восхищение он испытывает к главному:

– Два дні тому я бачив, як американський президент поздоровкався з ним за руку. Я шукаю, до кого прибитися. То – твій чоловік?⁸ – обратился он к Еве.

– Дурень, – сказал другой, рядом стоящий юноша, – то бувне президент, а держсекретар Керрі⁹

Парень тут же пошел навстречу Андрею. Тот слышал разговор и, упредив вопросы, ответил:

– Завтра о восьмій під Бандерою. Будь готовий до виїзду,¹⁰ – услышала Ева, как приказ, короткую фразу Андрея, адресованную парню, и ей еще сильнее захотелось к нему прижаться.

– А теперь мы выходим на твой маршрут, – добавил Андрей, взял ее за плечи и повернул лицом к выходу.

Ева подумала, что он обнимет ее и прижмет к себе, но этого не произошло. Революция есть революция, и она не разменивается на сантименты... На улице он все же привлек на секунду Еву к себе и сказал:

– Пошли с Майдана. Тут такси не поймаешь.

Уже на площади они спустились в переход. Андрей взял у бабуся два желтых и один голубой цветок: цвета Украины. «Ярош заплатит», – сказал он, и Еве стало не по себе. Живя в Америке, она привыкла за все

платить сама. С таксистом он поступил так же, как с бабкой-цветочницей, чем снова смутил Еву.

– Гальмуй!¹¹ – крикнул он водителю и чуть не вырвал у него руль.

И вдруг, совсем подобрев, вышел из машины и в глубоком реверансе открыл перед Евой дверь. – Прошу, пані.

Ей было приятно, но эта разница в отношении к окружающим и к ней шокировала. «Если он допустит хоть раз такое отношение ко мне, уйду навсегда». И Андрей это понял буквально на интуитивном уровне.

В Киево-Печерской лавре было много народу. Колокольня была закрыта, и люди шли к дальним и ближним пещерам. Художественные и картинные галереи находились у самого входа. Ева отыскала скромную надпись «Экспозиция петриковской живописи». От деревянных ступеней при входе повеяло теплом. Кого она там встретит? Она дружила с руководителем

⁸ Два дня назад я видел, как американский президент поздоровался с ним за руку. Я ишу, к кому прибитися. То – твой муж?

⁹ то был не президент, а госсекретарь Керри.

¹⁰ Завтра в восемь под Бандерой. Будь готов к выезду

¹¹ Тормози!

проекта, своей сверстницей Оксаной. У ближайшего окна обозначился знакомый профиль. «Оксана?» Да, это была она. Она стала старше и почему-то была в трауре. Это сразу наложило на встречу грустный отпечаток. Ева знала, что их дети одного возраста, хотела спросить, но побоялась. Оксана поняла это и ответила сама:

– Потеряла сына. Оксана открыла ключом маленькую боковую дверь, и Ева оказалась наедине со своими работами.

– Представь, это самые лучшие образцы нашей экспозиции. Но никто не проявляет интереса. Может, сейчас, после Майдана, что-то изменится к лучшему. Мы уже давно ничего не продаем.

Андрей, как боевой конь, стоял рядом и греб копытом землю под собой. Его интересовали лишь панорамы с колокольни. И он «пошел на прорыв»: самостоятельно вскрыл двери запертой колокольни. Так сильно хотел увидеть Киев с высоты птичьего полета. Оксана заперла входную дверь. Они зашли в художественную мастерскую. Родной запах холста и свежей краски ударил Еве в лицо. Хозяйка достала графинчик с наливкой, и началось то, чего так боялась Ева:

– Сынок мой, кровинушка моя, погиб, – тихим голосом сказала женщина. – Его недавно призвали. Парень прошел горящий Майдан. На горизонте маячила мечта: вольная Украина. Ребята готовы были принести себя в жертву. Но никто из них не мог предположить, что этой жертвой станет именно он. А случилось это с моим единственным ребенком.

Оксана ведь тоже не могла предположить такого. Но вот две другие сотрудницы, когда призвали их сыновей, поехали за ними. И жили вместе с ними под Славянском. А когда украинский самолет по ошибке разбомбил своих, в суматохе матери просто выкрали своих детей и сейчас где-то там скрываются с ними... Пусть их зачислили в предатели, но они ведь живы. Так думала Оксана, не зная, винить ли себя за то, что отпустила сына, или гордиться его подвигом.

Кто-то отчаянно барабанил в дверь снаружи. Это Андрей спустился с колокольни. «Слава Богу!» – подумала Ева. Она уже больше не могла слушать Оксану. Ее всю трясло. Ведь ее старший тоже призывного возраста. «Домой, к детям, быстрее!» – Где ты был так долго?

Она повисла у него на шее. Ей нужна была поддержка. С ней вот-вот случится обморок от этих разговоров и волнения за судьбу сына. Андрей снова поймал такси. На сей раз ей уже было все равно, чем и как он будет рассчитываться. Оставалось два часа до поезда, и ей захотелось остудить ноги в Днепре. «В Гидропарк», сказал Андрей водителю.

Сразу у памятника Победы машина повернула направо и стала круто спускаться к Днепру. Затем – по мосту Метро. Она увидела колокольню, на которой только что побывал Андрей, Выдубицкий монастырь и, конечно же, Родину-мать.

«Почему мать с мечом?» – подумала Ева и захотела спросить об этом Андрея, но они уже приехали.

Маленькая, скрытая от глаз автостоянка была почти у самой воды. Рядом протянулся песчаный берег Днепра. Была весна. На Крещатике цвели каштаны. Атут – и трава, и кусты, и даже песок наполняли воздух запахом родины. Они сбросили обувь и пошли по песку к воде. На берегу – два-три рыбака, – и пусто. Киев жил на Майдане...

Ева зашла в воду по щиколотки, затем вышла и села на песок у огромной сосны, где на спине уже лежал Андрей, опершись головой на корень дерева, торчащий наружу. Андрей привлек ее к себе, и Ева почувствовала биение мужского сердца.

– Расскажи мне о себе, – попросил Андрей, сильно прижимая ее к груди.

Киев был его родиной. От него она узнала больше, чем из школьных учебников. Отец ее жил где-то рядом с Андреевской церковью, но почему-то одну и ту же улицу называл по-разному. То это была Андреевская, то Жданова, то Александровская, а сейчас уже Сагайдачного. Андрей ослабил свои объятия и вдруг запел:

Попе-попереду Сагайдачний,

Попе-попереду Сагайдачний,
Що проміняв жінку на тютюн та лю-у-у-льку,
Необачний...

– Это ты о себе поешь? – спросила Ева с улыбкой.

– Рассказывай дальше, – произнес Андрей, удерживая Еву на своих коленях.

– Я расскажу тебе про своего отца. Папа был влюблен в Киев до тех пор, пока не встретил мою маму. Она так же, как и я, увлекалась петриковской живописью и приехала в столицу показать свои работы. Тут они и встретились. Он был спортсменом, играл в волейбол, но еще больше любил футбол. Его любимой командой была «Динамо» Киев. Даже мне он пытался привить любовь к этой игре, но я не стала болельщицей. В один из наших приездов в Киев папа взял меня на важную футбольную встречу на стадион «Динамо». Это было давно, я была еще совсем маленькой. В те времена стадион носил имя Никиты Сергеевича Хрущева. Все вокруг кричали, вскакивали с мест и спорили между собой. Мне стало страшно, и я спросила отца: «Папа, это война?» И больше он никогда не брал меня с собой... Отец попал в Киев еще маленьким, приехал со своей матерью, моей бабушкой.

– А где родилась бабуся? – спросил Андрей, и Ева ощутила его теплые ладони на своей груди. Грудь округлилась, как будто увеличилась в размерах, а соски стали проситься наружу... Но дальше этого дело не дошло: не было времени, и Андрей все больше интересовался личностью отца.

– Отец рассказывал, – продолжила Ева, – как он с матерью еще маленьким ребенком бежал от затопления в Киев из села Ржишев. Местность, где они жили: огороды, сады, цветущие поля, – оказалась под водой. Там теперь Киевское море. Они с матерью получили участок под огород на Куреневке. Напротив был стадион «Спартак».

Посадить-то посадили, а прополоть было некогда. Бабуля думала, что сынок на огороде, а он целыми днями гонял мяч на стадионе. Они все же умудрились хоть что-то собрать в бурьяне, а у тех, кто ухаживал за огородом, все разворовали. Потопов в судьбе отца хватило бы на три жизни. Например, Киев стоит на горах. И однажды, выше того места, где был огород, прорвало озерную дамбу, и на город хлынула вода. Затопление произошло внезапно. Погибло много людей. Смыло огромный трамвайный парк со всеми трамваями. Отец рассказывал, что это был не Чернобыль, но очень страшно. Экологическая катастрофа...

Оповещения как такового тогда не было. Люди для руководства были что солома. По ним ходили. Их не пересчитывали. Главным для власти было сохранить саму власть и избежать проблем с народом.

Я тебя не утомила? – спросила Ева. – Говори-говори, мне интересно, – сказал Андрей, и она поняла,

что рядом появился близкий ей человек. Он слушал ее. «Какое это ценное качество для мужчины», – подумала Ева. Внезапно возникла пауза, она поняла, что ее нужно заполнить, и продолжила рассказ.

Глава 2

– На второй день после Чернобыльского взрыва папа лежал где-то тут, где мы сейчас с тобой, и услышал такой разговор: «Вчера в Чернобыле случился пожар», – сказал мужчина своей спутнице.

«С чего ты взял?» – спросила она его.

С ними был маленький ребенок.

«Я всю ночь был на смене. Мимо наших окон до самого утра шла пожарная техника. Представляешь: ядерная электростанция, пожар – и никакого оповещения!»

– Отец вспоминал, что над городом все еще было ясно, но со стороны Чернобыля медленно приближалось маленькое, пока еще ласковое облако. Папа быстро собрался, сел в метро и приехал к ж/д кассам. Люди в огромных очередях раскупали билеты на любые направления.

Папа на ходу запрыгнул в вагон не своего поезда, забрался на третью полку. Под ней все места были заняты женщинами с детьми. От судьбы не убежишь...

Ева осеклась. Времени оставалось мало, а она хотела попасть еще на Подол. Но, по всей видимости, туда они уже не успевали. Ева стала вытирать глаза: – Папу, как ликвидатора, мобилизовали в Чернобыль, когда он вернулся из Киева. А потом высокий уровень радиации, госпиталь и наше с мамой одиночество. – Ева почувствовала, как она буквально вросла в тело этого огромного, ставшего ей близким мужчины. Увидела чаек в свободном полете, и ей захотелось подняться. Но Андрей не позволил ей этого. Легко, совсем не напрягаясь, он приподнял ее, как маленького ребенка, поставил на ноги и поднялся вместе с ней. И они медленно направились вдоль берега к машине.

– Коммуняки проклятые! – сказал Андрей и замолчал.

Ева шла рядом с этим человеком, и ей совсем не хотелось расставаться с ним. Ей казалось, что она когда-то уже встречалась с ним. Она еще дома смотрела по Первому российскому каналу передачу из Славянска об ополченцах и видела среди них Андрея. А сейчас он – сотник Правого сектора, идеологический противник этих людей. Переехав через мост Метро они оказались на Подоле. В городе было спокойно. Ева успокоилась и прижалась к Андрею.

– Попробуйте, если это возможно, в конце улицы Сагайдачного повернуть налево и по Андреевскому спуску подняться к памятнику Богдана Хмельницкого.

– За деньги все возможно, – сказал молодой парнишка-водитель, съезжая с моста на набережную.

Стоял теплый вечер. На улице было многолюдно. Народ отдыхал. Тут не было Майдана. Эти российские телеканалы так перенапрягли с войной на Юго-Востоке. Она только вот сейчас, в Киеве, пришла в себя и начала понимать, что все не настолько серьезно. Ее отпустило. «Наверное, и дома все хорошо», – подумала Ева. В конце улицы водитель повернул налево и поехал под знак вверх по Андреевскому спуску.

– Да ты – лихач, – уважительно сказал Андрей. – Не бойсь, если что – отмажу.

И машину начало трясти по крупным булыжникам мостовой.

– Смотри, Андрей, это домик Булгакова, музей, – и она указала ему на барельеф писателя. – А вот выше, в этом доме, жил Воланд.

Андрей и знать не знал, кто такой этот Воланд, но выразил заинтересованность. «Подумает, темнота». На улице уже зажигались огни. Машина с трудом преодолевала подъем, минуя Андреевскую церковь, затем пересекла улицу Саксаганского и въехала на площадь Богдана Хмельницкого к Софийскому собору. Далее, возле здания университета кирпично-красного цвета, дорога была перекрыта. Напротив, возле памятника Тарасу Шевченко, было многолюдно: люди собрались на митинг. Ближе к центру города становилось все волнительнее.

Сидя на заднем сиденье машины, крепко обнимая Еву и чувствуя дрожь и напряжение в ее теле, Андрей сказал: «Не бойся». Но Еву продолжало лихорадить. Ей показалось, что так будет всегда...

...Все дороги были перекрыты. Возникла реальная угроза опоздать на поезд. К камере хранения они уже бежали. Поезд стоял на шестом пути. Андрей летел впереди с двумя ее сумками, расталкивая толпу. Казалось, весь город собрался в дорогу. Женщины с детьми, военизированные команды, цыгане и просто нищие попрошайки.

Но почему-то только они бегут, а все остальные как будто замерли на месте. Чего-то ждут?

Перед самым носом у Андрея проводница подняла подножку. Он едва успел забросить в тамбур сумки, а затем, высоко подняв на руки, переместил в уже тронувшийся поезд и Еву. Оказавшись в купе, она все еще ощущала тепло рук Андрея... А он, пробежав несколько шагов по платформе, пытался заглянуть в окно. Но не обнаружив ее, остановился, как статуя, среди платформы и помахал рукой вслед уходящему поезду.

Проводница собрала билеты, затем принесла чай. Ева прислушалась к разговорам соседней. Это была уже совсем другая Украина. Украина ее мамы. Мягкий, певучий западный акцент успокаивал и возвращал в далекие и добрые времена детства. Расстелив постель, она провалилась в сон, даже не разуваясь. Поезд был скорый. Плавно и ритмично стучали колеса. Ева спала. Среди ночи она проснулась от резких толчков. Поезд, притормаживая, останавливался. Отодвинув занавеску, Ева увидела надпись на железнодорожной станции. «Стрый»¹², – подумала она.

«Уже близко к дому». Когда она была ребенком, где-то тут служил ее отец. Он был военным пилотом. А как ладно сидела на нем военная форма! Они с мамой прыгали от счастья, когда он появлялся дома. Мама не разрешала ему выносить мусорное ведро или брать в руки авоську с продуктами, всегда напоминая: «Це – жіноча справа!»¹³ Как она умела беречь его достоинство! Поезд снова набрал скорость, и под мерный стук Ева снова погрузилась в сон...

...Проводница разносила чай, предупреждая, что пора просыпаться. Через два часа она увидит родные лица. Надо привести себя в порядок. Обычно это занимало не менее часа. А тут еще чужие люди вокруг. Вот этот толстый мужчина напротив все пытался с вечера с ней познакомиться. А потом храпел как паровоз. Если бы не стук колес... Да, кажется, приходил Андрей, о чем-то спрашивал, а она не хотела его отпускать. Но его лицо упорно и настойчиво сменяли лица детей.

И постепенно Андрей исчез, растворился в причудливой канве ночного тревожного сна... Есть не хотелось. Она посмотрела на себя в зеркало. Объявили прибытие, и Ева с двумя сумками последовала к выходу.

– Вибачте, пані!¹⁴ – извинилась проводница, продвигаясь к двери, отворила ее, вытерла поручень и опустила подножку.

Ева вышла вперед, надеясь, что старший сын заберет вещи. Но реальность оказалась иной. На перроне стояла ее старенькая мама, держа за руку своего любимчика Иванку.

– Коля. Где мой Коленька? – прошептала Ева и в какое-то мгновение потеряла опору под ногами. Она не увидела того, кого ожидала.

«Не может быть. С ним все в порядке. Просто он занят и не смог прийти»... И молча поволокла к выходу свой багаж. Иванко как-то пригорюнился и прижался к бабушке со слезами на глазах. А бабуся, расплакавшись, повисла у дочери на шее, как будто это она была во всем

¹² Стрый

¹³ Это – женское дело!

¹⁴ Женщина, извините!

виновата. Ева, почувствовав отсутствие мужского плеча, и то, что сейчас единственной опорой для этих двоих является она, быстро взяла себя в руки.

– А где Никола? – пытаюсь не выдавать своего волнения, спросила она.

– Призвали нашего Николу. Но ты не волнуйся, с ним все хорошо.

Какой он был красавец, когда его переодели в военную форму. Точь-в-точь его дед. И даже служить пошел в авиацию, где-то тут, рядом. На аэродром, про который ему рассказывал дед.

Они медленно шли по перрону. Иванко, успокоившись, взял маму за руку и прижался к ней щекой. Тепло ребенка передалось матери. А бабушка все рассказывала и рассказывала про Колю и как его призвали.

– Да не призвали! – перебил ее Иванко. – Он сам пошел бить колорадов!

Еву что-то кольнуло прямо в сердце. Ее Коленька – и вдруг пошел кого-то бить?!

– Ты тут поживешь у нас – и все поймешь, – сказала мама.

Маленький родительский домик, как всегда, был аккуратно выбелен, излучал теплоту и спокойствие. Старая шелковица, нависавшая над калиткой, почти вся осыпалась. Ева не смогла пройти мимо и сорвала несколько ягод. Тут же почувствовала, что приехала домой... С горьким предчувствием ступила на порог, и в нос ударил запах маминого борща. Больше всего она боялась войти в комнату Николая. Она так много привезла для него различной электроники, а тут вдруг – на тебе! Ушел служить. Ни единого слова матери. Повзрослел, весь в отца. Тот тоже всегда лез на рожон.

– Мамуля, разбери мои вещи. Ты так всегда любила это делать за меня. Я устала.

А сама Ева, тихо ступая, вошла в комнату Николая. И тут ей все стало ясно. Над его столом, где в детстве он любил конструировать самолеты, висел большой портрет Степана Бандеры, а над кроватью – желто-голубой флаг. Под ним – лозунг «Слава Украине!» Разбросанная одежда: ремни, рубашки, высокие черные сапоги. И несколько книжек на столе, на одной из которых была изображена свастика. Ева поняла вдруг, что потеряла сына. Ей не нужно было уезжать! Эта жизнь, которую она обрела там, в Америке, не стоила такой жертвы. Да, ее тоже переполняют патриотические чувства и любовь к родине, но потерять при этом любимое дитя... Она взяла со стола одну из книг и прочла на ней надпись знакомым детским почерком Коленьки: «Если цель поставлена, ее надо достичь любыми средствами». «Он еще ребенок, его еще можно переубедить!» – подумала Ева. Из «залы», как мама называла большую комнату в доме, раздался детский смех Иванки. Мама накрывала на стол.

– Мама, а где он сейчас? Почему не звонит?

– Это ты о Николе? Ой, дочка, давно он звонил. Им не разрешают: отобрали телефоны. В военкоматах полно народу, сведений не дают, только все новые повестки раздают. А ты сходи, сама увидишь. Последний раз звонил не он, а соседский Толик. Говорил, все хорошо, у Николайка зарядка в телефоне кончилась. «Мы в А...» – сказал он, и телефон отключился.

Они сидели у стола, а рядом Иванко запускал новую железную дорогу, которую привезла мама из Америки.

– Садись за стол, – сказала баба Мария, разливая в рюмки домашний самогон.

«Когда она все успевает? И в огороде у нее наверняка порядок», – подумала Ева и закусила хрустящим огурчиком...

...В военкомате было еще более оживленно, чем на Майдане. Разгоряченные женщины требовали, чтобы к ним вышел сам военком и отчитался. Путь в здание толпе преградила милиция. Одни кричали: «Верните нам...», другие – «Мы не отпустим! Он больной, куда ему воевать? Лягу сама на рельсы...» И тут же рядом несколько женщин подожгли повестки из военкомата. Милиционер попытался затоптать огонь и остановить развитие событий, но женская толпа угрожающе загудела. Ева поймала себя на том, что тоже принимает в этом участие, развернулась и со слезами на глазах вернулась домой. Кроме этой проблемы

у нее оказалась еще большая – неразбериха с документами. Ева еще в телефонном разговоре предупредила мать, что в Америке Степан предложил ей выбрать для нового паспорта, который собирался ей сделать, не только новую фамилию, но и другое имя.

Сначала она отнеслась к этому как к игре и назвала себя Евой, именем героини любимого романа Екатерины Вильмонт «Девственная селедка». Но когда Степан принес ей готовые документы, где она стала Евой, да еще и его супругой, ей стало не до шуток. Историю эту она до сих пор не распутала, и как поступить, кроме матери, посоветоваться было не с кем. Степан поставил ее перед фактом и велел никому не рассказывать. Поэтому по телефону она матери так ничего толком и не рассказала. А тут еще беда с Николаем... Что решать в первую очередь?

Какой вопрос важнее: возврат настоящего имени, легализация нового или поиски ребенка? Конечно же, ребенок. Но оказалось, что первую проблему решить гораздо проще. Это сделала мать, особо не вдаваясь в подробности. «Я не знаю, что там у тебя со Степаном произошло. И нового твоего имени знать не хочу. Я родила тебя Анжеликой. Мы долго с отцом выбирали это имя, и ты с ним помрешь. И для детей ты не Ева, а Анжелика. Наш сосед Васька мигом решит все эти проблемы. За сто доляров одной бумажкой. Ох, как он их любит, эти бумажки! Напишешь заявление, что потеряла паспорт, и получишь новый, на любые имя и фамилию». Ева даже не ходила к соседу. Баба Маруся, как все вокруг называли мать, сделала все сама за три дня. Только кроме этой бумажки в сто «доляров» пришлось дать столько же тому, кто выписывал паспорт. И Ева стала вновь Анжеликой.

– А вот теперь ты мне расскажи, – обратилась мама, – что там у тебя произошло со Степаном? Зачем он тебе имя поменял?

Баба Маруся снова выставила на стол борщ и достала бутылку с мутной жидкостью. Иванко на полу запуская свою железную дорогу, а Ева-Анжелика напряглась, собираясь с мыслями: «С чего же начать?»

– Вспомни, мама, каким необычным для нас человеком показался Степан, как он стремительно ворвался в наш дом. Такой самодостаточный... Зачем мы ему были нужны? Я припоминаю, он имел отношение к той аварии с белым фосфором на железной дороге под Ивано-Франковском в 2005 году. Он там увидел меня и «пас» долго... Я до сих пор не могу составить для себя четкую картину его личности.

То, что я нужна была ему как женщина, это понятно. Но только сейчас начинаю понимать, что он использовал меня еще и как прикрытие. Поэтому по документам я оказалась его женой. Вспомни, как он обхаживал тебя и детей, чтобы оторвать меня от вас... Как у нас с ним было все красиво, пока мы не приехали в Америку. Куда подевались его мягкие манеры, учтивость и вежливость? Его речь приобрела стальной оттенок. Я для него стала рабыней. Он пропадавал неделями. В это время мне звонили какие-то женщины, какие-то явочные квартиры, секретные переговоры... Я поняла, что меня прослушивают. Но когда он возвращался, выжимал из меня все соки. Для меня это было слишком... Я уже не могла удовлетворить все его сексуальные запросы. Все было «занадто»¹⁵. Во время секса со мной он мог одновременно вести переговоры о каких-то новых технологиях для Украины, сланцевый газ, поставки. Сумасшедший дом, мама. Ты меня знаешь, я домашняя, мне, кроме дома и наших детей, ничего не надо. Холст и краски, петухи, подсолнухи. А тут вдруг такое!

Я не выдержала и ушла, когда его не было дома. Устроилась работать дизайнером по интерьерам. Очень много домашних вещей у меня скопилось, мебели, купленной за мои деньги. Я забрала их с собой. Думала, когда-то совою свое гнездо. Вещи в итоге хранились, как реквизит, на работе. И из-за них я постепенно снова попала в зависимость.

Я не знала, как разрубить этот вновь образовавшийся узел. И тут вдруг снова появился Степан. Он разыскал меня.

¹⁵ «слишком»

– Ты знаешь, он и мне звонил, искал тебя. Они уже выпили по три рюмки, и вдруг мама запела:

Рідна мати моя, ти ночей не доспала,
Ти водила мене у поля вкрай села,
І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала,
І рушник вишиваний на щастя, на долю дала...¹⁶

И тут только Ева заметила, что ребенок спит на кровати в обуви. Опьянев от домашнего самогона, она прилегла рядом и обняла этот единственный оставшийся рядом родной комочек... Баба Маруся сняла обувь с обоих, прикрыла одеялом, а сама пошла собирать посуду со стола. Среди ночи Ева поняла, что спит, не раздевшись, с ребенком. Как давно этого не было с ней! «Мамо, мамо, це ти? І де ти так довго була?»¹⁷

Ева напряглась, затем вспотела и снова погрузилась в сон... Когда она проснулась, солнце уже заглядывало в окно. Ребенка не было, бабушка отправила его в школу и всю хлопотала по дому. Зазвонил телефон.

Степан, захлебываясь, кричал в телефонную трубку: «Никуда не уезжай, я приеду! Я помогу тебе найти Николая. Я жить без тебя не могу!». И связь прервалась. – Я ж тобі казала, що він тебе шукає¹⁸. Ты и там в своей Америке так рано встаешь? Выспись, почувствуй, что домой вернулась. Успокойся.

Но Ева ее не слышала. Она представила себе, как этот наголо обритый, плотно сбитый низкорослый мужчина со своей обходительностью вновь может появиться в ее жизни с одной только целью: незаметно подчинить и подмять ее под себя. «Степан Арнольдович Наливайченко», – любил он представляться и первым протягивал свою влажную мягкую ладонь.

– Дочка, а может, он тебе поможет разыскать и вернуть Николая? Ты ведь знаешь его возможности.

– Мамуля, я его, кажется, разгадала. Он какой-то тайный американский агент тут у нас, в Украине. Мне не нужны его возможности, а тем более помощь. Ты не представляешь, как он надо мной издевался. Мне стыдно тебе все рассказывать.

– Тебе видней. Сегодня приемный день в военкомате. Может, вывезут списки, кого куда отправили. Такое бывает. Этого требовал Совет солдатских матерей. Николы в этих списках пока не нашла, туда не включают добровольцев. Сходи-ка, а вдруг тебе повезет.

Женщины быстро позавтракали, и Ева убежала. В этот раз к военному комиссару, так его по старинке называли, была живая очередь. Ева записалась и стала ждать. Седой уса-тый полковник принял ее с подчеркнутой вежливостью: вышел навстречу и даже поцеловал руку. С ней давно этого не случалось. Оказывается, Николаем уже интересовались из важного иностранного ведомства. Зачем и кто конкретно, ей не сообщали. «Степан, – подумала Ева. – Больше никому». Этот хитрый лис снова разыгрывает свою шахматную партию, пытается обойти ее на два хода вперед. И только лишь поэтому, поняла она, для нее сделали исключение и сообщили, что Николая два месяца назад взяли на доукомплектование батальона «Донбасс» и отправили в Славянск.

– Мама, он и там уже расставил свои сети! – крикнула она с порога.

– Кто – он?

– Кто, кто? Этот американский шпион Наливайченко. Это ты ему все рассказала?

¹⁶ Родная мать моя, ты ночей не доспала, Ты водила меня в поля на краю села, И в дорогу далекую ты меня на заре провожала, И рушник вышиваний на счастье, на долю дала.

¹⁷ Мама, мама, это ты? И где ты так долго была?

¹⁸ Я же тебе говорила, что он тебя ищет

– Человек хочет тебе помочь. У него командировка в Славянск, а он едет сначала к тебе, волнуется. Что там такого серьезного могло произойти между вами в Америке? Я так радовалась за тебя, думала, наконец моя Анжела встретила свою судьбу. А вышло все...

– Вышло как вышло! Я уезжаю, и не смей ему ничего обо мне рассказывать. Меня трясет, когда я о нем вспоминаю! – выкрикнула Ева.

– Успокойся, дочка. Тебе виднее. Не успела приехать – и снова в дорогу. Хорошо хоть свиделись.

– Собери мне чего-нибудь в дорогу, поцелуй Иванку, скажи, что мама скоро приедет, поехала выручать Николая. Он поймет. Чует мое сердце, Коленька в беде.

Ева оделась попроще, собрала немного вещей в спортивный рюкзак, просмотрела документы, американский паспорт оставила маме на хранение: подданной иностранного государства в районе боевых действий появляться может быть опасно. Так посоветовал ей седой полковник. Перед выходом она зашла в комнату Коли, посмотрела на маленькую фотографию под стеклом на столе, достала ее и положила под обложку украинского паспорта. На столе лежал маленький плеер. Ева включила его:

Пожары над страной все выше, жарче, веселей,
Их отблески плясали – два притопа, три прихлопа,
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там – в галоп, под пули в лоб, —
И мир ударило в озноб от этого галопа.

Ева вспомнила, как Коля любил этого автора. Он был его кумиром.

– Дочка, ты мне так ничего и не рассказала о своей жизни в Америке. Что между вами со Степаном произошло? Я до сих пор его считаю подходящей партией для тебя. Ева открыла чемодан и достала оттуда папку.

– Вот тут, мама, моя переписка с одним человеком из Америки.

Я его никогда не видела, но переписывались мы долго. Я делала это втайне от Степана. Этот человек написал роман по материалам нашей переписки. Вот он. Много тебе будет не интересно, но ты получишь ответы на многие свои вопросы.

Ева положила на стол рукопись и как-то сразу обмякла. До этого она была сдержанна и сконцентрирована, словно сгусток энергии. И вдруг все это куда-то исчезло, и из глаз хлынули слезы. Это вызвало ответную реакцию матери, женщины обнялись и присели на дорожку. – Я провожу тебя на вокзал. Возможно, тебе потребуется моя помощь. Ты уже всех здесь растеряла. А у нас все, как и раньше: в любом деле нужны знакомства, и на вокзале тоже.

Мама все еще что-то подкладывала в сумку, а Ева стояла у калитки и собирала шелковицу. Она не стала приводить себя в порядок, посчитав, что чем хуже выглядишь, тем лучше. Мама вышла с бумажной салфеткой, увидев на лице дочери ярко-синие пятна от ягод. «Ой, забыла!» – вскрикнула Ева и быстро вбежала в дом. А вышла в слезах, прижимая фотографию Иванки к груди.

Глава 3

На вокзале было все, как в центре Киева: семьи переселенцев – москали – покидали Западную Украину... Озабоченные, как она, одинокие женщины... Ева увидела усатого полковника из военкомата.

Он отправлял призывников. Военком подошел к ней и подал руку. «А вы решительная женщина, – сказал он. – Будьте осторожны. Где вы сейчас будете его искать? Он – доброволец. Это отчаянные ребята. Вероятно, находится в центре боевых действий. Мы не добрали пару человек в команду. Сейчас подойдет наш представитель, он сопровождающий, и вы можете уехать с ними, но это только до Киева». Ева не понимала, как отблагодарить судьбу за такую неожиданную встречу. У нее за спиной стояла мама с продуктовой сумкой в руке, потерянная, усталая женщина. Она все слыхала и хотела быть совсем незаметной, чтобы не помешать дочери.

– А это – моя мама, Мария Ивановна, – представила ее Ева.

– Полковник Шевченко, – представился мужчина и пожал неловко протянутую руку бабы Маруси. – У вас прекрасная дочь. Думаю, Бог ее вознаградит.

В это время между ними бесцеремонно выросла фигура молодого офицера.

– Команда на перроне загружается в одиннадцатый вагон! – взволнованно сообщил он.

– Семак, возьмите до Киева эту прекрасную женщину. Я бы сам ее сопровождал, да обстоятельства сильнее нас, – пошутил полковник. – А я пойду этот вопрос утрясу с начальником поезда.

– Домовились¹⁹, – как-то не по-военному ответил Семак в погонах лейтенанта. – Следуйте за мной, – уже более четко обратился он к Еве и быстро стал удаляться, почти побежал. Ева едва успела забрать сумку у матери и пыталась не отставать. Команда уже была в вагоне. Проводница хотела спросить билет у Евы, но Семак ее опередил. «Это со мной», – сказал он, и они вошли в вагон.

Все места были заняты молчаливыми призывниками с испуганными лицами. Они не были добровольцами. Особенно густо заполненным оказался отсек в центре вагона. Там травил анекдоты.

– А от і жінка до нас. Я не мо-о-о-жу, – як сказав бичорноморський матрос, «солений».

– Давай продолжай, трави! – кто-то выкрикнул с верхней полки.

– У нас в Одессе уси анекдоты солони. А тут жинка!

– А ты, где солоно, говори «трам-тарарам, трам-тарарам!»

– Добре!

– Ну давай, начинай! – поторопили сверху.

– Трам-тарарам, трам-тарарам, трам-тарарам... Мы – черноморци... Трам-тарарам! – и все купе дружно рассмеялось.

– Пойдемте отсюда, – сказал Семак.

– Да-а-а, – сопровождал ее взглядом один из призывников, – женщина на корабле – стихийное бедствие.

Они пришли в последний отсек. «Вот ваше место. А я буду напротив, охранять вас как ценный груз». Тут же появились два сержанта с отличительными знаками. «Никакой самодеятельности в поезде, – сказал им Семак. – Собрать по три гривны – и в магазин. Все свое не доставать. Только закуску. И спать! Завтра утром на вокзал приедут покупатели. Все должны быть как огурцы». Ева поняла, что спокойствия не будет. Надо попытаться уснуть.

– Пойдемте с нами к соседям, – вдруг предложил Семак. – Будет весело.

¹⁹ Договорились.

Он достал из-под своего сиденья продуктовую сумку, раскрыл ее, и в вагоне вдруг резко запахло чесноком. Затем в его руках появилась бутылка водки. «Да, – подумала Ева, – меня ждет беспокойная ночь...»

Она вежливо отказалась и отвернулась к стенке, натягивая одеяло. Из соседнего купе доносилась громкая речь, кто-то настраивал гитару. «Капи-тан, ка-пи-тан», – услышала Ева и поняла, что гитара семиструнная. Ей удалось провалиться в сон под стук колес. Но среди ночи она почувствовала, что с нее стягивают одеяло. «Это я, Паша Семак, – тихо представился обладатель вкрадчивого голоса. – Еще ни одна баба мне не отказала. Я знаю, у тебя нет мужика, иначе б ты сейчас не отправлялась с нами в пекло». Ей вдруг стало жутко: «Надо что-то придумать.

Он пьяный, просто так не отстанет». Семак уже успел просунуть ей между ног свою пылающую ладонь. Другой рукой он достал из декольте ее теплую левую грудь. Потом одна рука куда-то делась, и она догадалась, что он расстегивает свои штаны. Сейчас он ляжет сверху, придавит ее всей тяжестью своего тела, и будет уже поздно. И вдруг ей пришла в голову идея. «Расслабься и получай удовольствие», – шепнул

он ей на ухо. «Между прочим, я – американская гражданка. А ты, вонючий лейтенант, будешь нести ответственность перед законом в полной мере». И враз у этого верзилы пропала настойчивость. «Так я ведь полюбовно хотел, по обоюдному желанию. А ты сразу запугивать... Ну и спи себе в одиночестве. Я ведь пошутил, – и он грохнулся на свою постель. – Подумаешь, нашлась недотрога». В это самое время в купе зашли и стали пробираться на верхние полки двое подгулявших соседей. «У тебе шо, облом?» – пошутил один из них, и оба рассмеялись. «Надо быть готовой. Сколько еще таких сражений ей придется пережить? – подумала Ева. – А может, лучше было бы примириться со Степаном и воспользоваться его помощью?»

Проехав станцию «Стрій», поезд вдруг начал останавливаться. Уже светало. Совсем рядом со станцией можно было различить огромных размеров кладбище. Надгробия, как стадо замерших на месте диких носорогов, все были наклонены в одну сторону. Семак выглянул в окно. «Сколе», – сказал он. Вдруг по поезду объявили тревогу. Вся подгулявшая за ночь команда, кто в чем был, с какими-то предметами в руках, под руководством Семака и двух сержантов с автоматами, высыпала на железнодорожное полотно. Раздались выстрелы, затем звуки погони. И все быстро стихло. Слышно было, как тяжело дышит паровоз, пуская в воздух свои барашки. Возбужденная ночным происшествием команда еще долго стояла на соседнем полотне, курила и постепенно возвращалась в вагон. Оказалось, в поселке Сколе из района старого еврейского кладбища

на поезд напала банда грабителей. И только благодаря военизированной команде Семака удалось оттеснить их и даже обратить в бегство.

– Лейтенант, нас представят к наградам? – серьезно спрашивали Семака сержанты.

– Скажите спасибо, что все обошлось. Какая-то несерьезная банда...

А ведь сумели пробраться на ходу к машинисту на паровоз. В Киеве Ева оказалась представлена сама себе и почувствовала себя незащищенной. Семак предложил ей свою помощь, но она вспомнила прошедшую ночь и отказалась. В справочной ей объяснили, как добраться до Славянска. Потом она вдруг вспомнила об Андрее. А если он еще не отправился со своей сотней в Одессу? Она ему звонила уже дважды по дороге, но не было связи. Однажды, вроде, включился телефон, но ей никто не ответил. К маме она тоже не смогла дозвониться.

Как они там? А баба Маруся тем временем тоже ждала от дочки звонка. Иванко играл рядом паровозом. На столе лежала пачка рассыпавшихся листов: это была рукопись романа. Маруся взяла в руки первую страницу, прочитала и ничего не поняла. Там была переписка по Интернету с какой-то женщиной. Уже хотела было отложить рукопись в сторону, как вдруг увидела название: «Десять писем к Еве». Так это же ее Ангела! Начала читать переписку дочери с неизвестным другом. Не отрываясь от чтения романа, баба Маруся подошла к старому

довоенному родительскому буфету на веранде, открыла нижнюю дверцу и достала маленькую сулейку с мутной жидкостью. Часть ее перелила в хрустальный графин и, налив оттуда в рюмку, залпом выпила и перевернула страницу.

– Бабуля, ты опять за свое? – недовольно спросил Иванко. – Что читаешь-то?

– Это твой дед, Вася. Тут написано про нашего с ним общего знакомого. Мы там были, на этой турбазе Министерства обороны, и знали этого человека. Мусса его звали. Он там был начальником. Как мы любили это Приэльбрусье! После Чернобыльской трагедии Вася, как бывший военный, получал туда бесплатную путевку, и мы там отдыхали. Когда он сильно облужился, только и ждал этой поездки. Вот, слушай! Тут и мамки твоей письма.

И Марья Ивановна, опрокинув вторую рюмку, бережно взяла в руки и протерла портрет своего любимого Василия. Она вслух прочла внуку несколько писем его матери и попыталась добраться до рассказа о Муссе и Приэльбрусье, добавляя свои яркие воспоминания об этом периоде своей жизни. А потом язык ее начал заплетаться, баба Маруся прилегла на кровать и уснула... Когда она проснулась, Иванко уже сам водил пальцем по бумаге и вслух читал роман.

– Ба, а кто такая эта Ева? – спросил он.

– Это мамка твоя! Це все про її життя.

– Очень интересно! Баба, а это детектив? Тут так много всего! Очень интересно про Америку. Я тоже туда хочу. Она возьмет меня с собой? Колька вредный, не звонит. Может, мама и не поехала бы его искать... Вот я немного подрасту и тоже поеду воевать.

– Бог с тобой, Иванко! Хватит нам и одного Николая! – спохватилась баба Маруся и прижала к себе внука. – Читай-читай. Может, что поймешь и мне подскажешь. Потому что я в этой жизни не понимаю ни-че-го!

Потом она снова себе налила. Отставила рюмку в сторону и, взяв в руки портрет мужа, стала водить пальцем по его лицу и разговаривать: «Вася, да мы ж с тобой знали этого Муссу. Мы отдыхали на этой турбазе, где он сейчас начальник. Ты должен помнить его жену Наташу и их маленькую дочку Оксану. Так нам было тогда хорошо с тобой! Вот прочту до конца роман – и мы снова поговорим с тобой». И она, не допив свою рюмку, упала на кровать. Ребенок понял, что бабушке мешать бессмысленно, и вышел во двор. Возле калитки стояла женщина. Она держала в руке письмо, спросила Марью Ивановну. Иванко знал, что с бабушкой разговаривать сейчас бесполезно, поэтому сам взял письмо, сказав, что ее нет дома, а затем пошел гулять к соседскому мальчику.

Баба Маруся крепко спала, и ей снился сон о том, как они, молодые и красивые, вместе с Василием отдыхают на турбазе при Министерстве обороны. Вот они поднимаются по парнокресельной дороге на гору Чегет, как будто парят в небе. Под ними пропасть. А справа – сколько видит глаз – заснеженные горы и в центре – двуглавый Эльбрус! Ей страшно.

Вася крепко прижимает ее к себе. Потом увидела Муссу Султана Эйчамахова. Тот дал им двухместный номер на третьем этаже с видом на гору. Все куда-то спешат, ходят друг к другу в гости, поют песни под гитару... Еще много непонятного и приятного было во сне, затем баба Маруся проснулась. «Иванко!» – позвала она внука и, увидев его за соседским забором, успокоилась. Она вышла во двор с намерением поработать в огороде, но тут внук через отверстие в заборе передал ей белый конверт. «Ба, тебе письмо», – сказал он и просунул в щель увесистый конверт. Она глянула и похолодела, но затем поняла, что письмо не официальное и подписано почерком Анжелики, успокоилась и радостно сообщила внуку:

– От мамы!

– Потом расскажешь. Мы с Андреем идем на рыбалку.

Из дома вышел отец Андрея, и Марья Ивановна, взволнованная предстоящими вестями от дочери, открывая на ходу конверт, вошла в дом: «Это ж надо так много написать! Давно все забыли, что такое письма.

Все заменил телефон. Но сейчас время какое...» Ева писала, что у нее проблемы со связью, и поэтому передает письмо женщиной, которая бросила свой дом и с двумя детьми уезжает к родственникам во Львов. Она уже в Славянске, имела кошмарную ночь в поездке, а вообще – чудом села в поезд. Уже дважды они ехали по только-только восстановленному мосту. В городе пусто. Все друг друга боятся, особенно приезжих, подозревают, что провокаторы. Она встретила женщину на улице, та дала ей ключ от своего дома, в котором выбиты окна и снесена часть крыши. Недалеко от дома, с двух сторон блокпосты: один – ополченцев, другой – Нацгвардии. Ее уже пригласили работать поварихой к ополченцам. Но она боится: много мужчин с подозрительной внешностью – то ли алкаши, то ли судимые. Югославы, поляки, воюющие за деньги. А в общем, они все голодные до женщин... Очень сложно попасть на украинский блокпост. Тут недавно, по ошибке, с вертолета, говорят, украинцы расстреляли своих. Трупы лежат в поле. И подход к ним простреливается с двух сторон. Скоро Красный Крест будет их вывозить. Она в ужасе, но пытается принять участие. На ночь баррикадируется в своем доме, но и это может не спасти... Баба Маруся, вся в слезах, просидела весь вечер над огромным обстоятельным письмом дочери. «За что нам всем такое?» – прочитала она и открыла Евангелие. После часа молитв и роптаний она устала.

Но ей все еще не хотелось возвращаться к действительности, и Маруся придвинула к себе роман.

Десять писем к Еве

История, основанная на реальной переписке. Пунктуация авторов сохранена.

...Ждите нас, невстреченные школьницы-невесты
В маленьких асфальтовых южных городках...
Ю. Визбор

Она снова в сети, и мы уже перешли на «ты». Я люблю ее письма. Ева витает в облаках, за все переживает, без конца попадает в какие-то экстремальные ситуации, ей можно писать непоследовательно, она отзывается на любую тему. Отвечая на ее письма, буду отсылать ей готовые главы. Прочитает – узнает меня по-настоящему.

Письмо первое

@ Здравствуйте, Михаил. Вы регулярно заходите на мою страницу. Вы что, за мной следите?

@ Ева, мы с вами уже давно на «ты», еще до того, как вы исчезли.

Я рад, что вы вернулись, и хочу продолжить нашу переписку. Помню, вы любили мои письма?

@ Добрый день. Сегодня у меня очень загруженный день, многое надо успеть, а вечером на ужин к друзьям. Но мне почему-то нравится тебе писать. Я не знаю, какой образ ты себе нарисовал, возможно, он не совпадает с реальным, а может, он хуже. Но это даже интересно – дать волю своей фантазии. Имя Ева я выбрала потому, что это имя героини моей любимой книги Е. Вильмонт «Девственная селедка».

Правда, полное ее имя Евлалия, но коротко – Ева. Мое реальное имя тебе не понравилось? Твоя дочь согласилась пожить с тобой? Сколько у тебя детей? По-моему, у тебя есть еще сын. Извини за такое количество вопросов. Просто интересно. Здесь, на природе, я начала рисовать, уже лет 20 было не до этого. Высылаю тебе фото моих работ (хвастаюсь).

@ Ты писала, что рассталась с мужем. Потом – вернулась к нему. Зачем, если он тебе не по душе?

@ Легко рассуждать со стороны. А когда нет крыши над головой и еще нет денег, я только вернулась (в конце апреля). Один месяц «скитаний» я выдержала, а потом устала от проблем. Но ничего страшного не произошло. Все равно все встанет на свои места. Просто нужно время.

@ Натворила я столько дел, как ты говоришь... Я рада, что ты решил продолжать общение.

Хорошего дня и настроения. О чем книга, которую ты начал писать?

@ Прочти, это начало нового романа. Здесь многое – обо мне. Возможно, тебе понравится.

Мусса. Автобиографическая повесть

Валентин работал в огороде, когда открылась калитка и появилась молодая девушка.

– Вера, беги, встречай дочь! Ира приехала!

Он воткнул лопату в грядку и пошел навстречу дочери.

Улыбающаяся, цветущая Ирина широко раскинула руки и обняла отца. «Небось, кого-то нашла, глаза горят, как после первой брачной ночи», – подумал Валентин.

Вера Васильевна с криком: «Да замуж тебе пора!» – выбежала на крыльцо.

– Пока характер не испортился, – добавил Валентин.

А характер у девушки действительно был в аккурат для замужества: молчаливая, сговорчивая, исполнительная и преданная. Так случилось, что училась она далеко от дома в угоду родителям. Но вскоре, не доучившись, бросила свой техникум и улетела к тому, от кого у нее появился блеск в глазах. Он ее даже не приглашал, а просто намекнул:

«В жизни всегда есть место подвигам...» И вот она уже стоит у его порога. Парнишка-попутчик провожал ее от автостанции до самой двери в надежде, что ей не откроют. Но открыли. Обнялись, расцеловались. Смущенный парнишка развернулся к выходу.

– Ты написал – я приехала, – сказала она, и они почти в тот же момент оказались в постели. А потом их переполнило счастье. Она обустроивала дом, помогала в работе.

Приехали родители: посмотреть, к кому же это сбежала их дочь? И, в принципе, остались довольны. Вскоре туда же отправили непутевого сына Пашку. Он нашел работу в кочегарке, но там же нашлись и «плохие» друзья, с которыми Паша продолжил выпивать. К хорошему это не привело. Вскоре он попал в больницу. По глупой случайности Пашу «не там» прооперировали, и он умер.

– Пашка кони двинул, – сказала Ирина и почему-то даже не заплакала! Приехали родители и увезли цинковый гроб с сыном. Очень тяжело далась им эта поездка. Сперва ушла Вера Васильевна, а за ней и Валентин. Когда Ирина приехала к совсем больному отцу в больницу, ее там спросили: «Когда вы заберете ногу?» Оказывается, ампутированные части тела должны были хоронить сами родственники, и Ирине ее выдали для похорон.

В родильный дом она попала в тяжелом состоянии. Маленькая родильная палата в захолустном городке Похвистнево Куйбышевской области. Расстроенная молодая роженица и полусонная медсестра, которая прозевала начало родов. Ирина думала, что так и надо: терпеть и молчать она умела. Доставали ребенка шипцами. Большая красивая девочка, но полностью посиневшая, как крупная головка свеклы, закричала с некоторым опозданием. Все это отразилось на рефлексах, и долго не было ясно, все ли в порядке с ребенком. На третий день был вынесен страшный вердикт: детский правосторонний церебральный паралич средней тяжести. Родовая травма. Ребенок быстро рос, начал ходить, затем бегать. Поражения были почти незаметны. Отец мастерил всякие приспособления, так как сам был методистом лечебной физкультуры.

Через год на семейном совете решили, что необходимо рожать еще одного ребенка, в помощь родившейся больной девочке.

К тому времени от предыдущих двух браков у отца было двое сыновей. Марина стала четвертым ребенком.

...Прошло почти тридцать лет. Я пишу книгу и не могу понять, как и с кем мне дальше жить? Нет у меня моей любимой жены, маленьких, с таким трудом появившихся на свет и привезенных в Америку двух девочек. Лечу в самолете. После отпуска возвращаюсь из Москвы в Нью-Йорк, где живу постоянно. Полтора месяца в Москве ничем не занимался, не написал ни одной строчки. Сидел в социальных сетях, искал, с кем дальше шагать мне по этой жизни.

Но не все так просто. Большинство участников этой игры просто мило проводят время, прикрываясь юношескими фотографиями.

А ведь как хорошо было задумано! Вначале хотел побывать на Кавказе у друзей, отвезти им свою новую книгу. В этом романе я подробно расписал мои лучшие годы, проведенные с Ириной в Приэльбрусье.

Затем планировал отправиться в Израиль, куда имел приглашение полетать на военном вертолете. Однако все, что я успел, – это провести несколько дней в любимом Киеве да с сыном Эдуардом поехать в Питер на его юбилей – 35-летие окончания института. Ведь я закончил когда-то тот же институт: Ленинградский военный имени Ленина. Каким же динозавром я оказался в этот приезд! Но уважения мне оказали более чем достаточно.

...Возвращаюсь в Нью-Йорк, самолет начинает снижаться, и я вдруг вспоминаю свой первый прилет в Америку в те времена, когда наш уважаемый Михаил Горбачев затеял перестройку. И все, конечно же, побежали из страны. Все, что у меня было, – это молодая жена без профессии, двое маленьких детей и потерянная армейская пенсия.

Мы всей семьей стояли в очереди на эмиграцию, но почему-то нас очень долго не вызывали на интервью. В тот раз я прилетел, чтобы выяснить, почему дело не движется. У меня с собой был мой авторский проспект по Приэльбрусью, и, чтобы хоть как-то поднять свою самооценку, мне прямо тут же, в аэропорту, захотелось его всем показать: вот, мол, я какой! Сестра Нина меня не встретила. У меня не было 25-ти центов, чтобы позвонить, а если бы и были, я все равно не знал, как пользоваться американским телефонным автоматом.

В те времена пассажиры еще не аплодировали в самолете при приземлении. А вот сейчас раздались аплодисменты, и вскоре нам подали трап. Стою в ожидании багажа. Свою спортивную сумку с надписью «Версаче-спорт», которую мне подарил сын, я уже выловил на транспортере и поставил в сторонку. Проглядел все глаза в ожидании чемодана.

Неужели повторится та же история, которая случилась, когда я прилетел в Москву? Тогда я так и не смог дождаться своего чемодана. В самолете со мной рядом сел человек. Я внезапно опешил: это был мой приятель Юра. Я знал, что после урагана «Сэнди» они с женой восстанавливают свой дом на Стейтен-Айленде. Раньше Таня, жена Юры, мне всегда помогала иллюстрировать книгу, но на этот раз у них вся техника утонула. Оказывается, Юра летит в Тбилиси. В другом аэропорту, Домодедово, его ждет брат, который сопровождает отца в цинковом гробу в Тбилиси, на родину. Узнав эту печальную новость, я выразил ему свои соболезнования и замолчал. Юра надел черную повязку на глаза и задремал. А в моей памяти вдруг всплыла поездка с друзьями на машине из поселка Терскол в Тбилиси по Военно-Грузинской дороге. Это было в 1982 году. Города мы тогда почти не увидели. На светофоре нам встретился замечательный грузин. Мы обмолвились двумя словами через открытые окна, и он повез нас к себе домой. Заехали на базар и купили огромного петуха. «Вах, – сказал он, – вы обязаны попробовать чахохбили, которое готовит моя жена. А наше пиво?» И огромная очередь за пивом, растянувшаяся на целый квартал, расступилась. «Они – мои гости и никогда не пили наше грузинское пиво», – закричал он и тут же наполнил два целлофановых пакета. И вот мы уже за столом. Супруга его молча улыбается и суетится вокруг нас. А мне он обещал дать с собой бутылочное пиво.

День заканчивался, и мы торопились на монастырскую стену в конце города, чтобы увидеть город на закате солнца. Это действительно было неповторимое зрелище!

И вдруг, в полной тишине, на смотровой монастырской площадке я услышал автомобильные сигналы снизу и увидел его: «Я забыл тебе дать пиво с собой!» – кричал он, запыхавшись и протягивая мне две бутылки.

...Чемодана моего все еще не было. Транспортер совершает уже который круг, я начинаю терять терпение, но что это: возле моей спортивной сумки вертится собачка – копия Бэка, собаки моего сына. Я даже ее погладил, но она не обратила на меня ни малейшего внимания

и своим острым носом проникла в щель сумки. Подошел полицейский, попросил открыть, и я вспомнил, что положил туда в последний момент перед выходом из дома почти не начатую палку салями. Что поделаешь, холостяк, – пригодится. Как всегда, подумал, что пронесет. Полицейский обнаружил колбасу и попросил у меня декларацию, жирными буквами записав туда нарушение правил провоза. Появился, наконец, мой чемодан. Хорошо, что с опозданием. В чемодане том у меня была азовская таранка. Правда, мне ее запаляли в целлофан, и это, возможно, усложнило бы собаке работу.

Как же мне теперь пройти контроль-досмотр? Совсем недавно я прочел, как один наш россиянин крепко обнял свою знакомую американку на базаре. Раньше он делал это неоднократно, но на этот раз она позвала полицию. И вот его судят уже много лет и превратили в умалишенного бомжа! Что делать? И я решаю выбросить колбасу в урну.

Но ведь это опасно – люди вокруг. Интуиция подсказывает – надо. Пытаюсь сделать это незаметно, проходя мимо урны. Из зеленого коридора, который я попытался пройти, меня отправляют на более тщательный досмотр к специальной машине. Их, этих машин, было две. У одной стоял с виду покладистый полицейский, у другой – женщина, которая нетерпеливо подпрыгивала: вот, мол, иди сюда! Я выбрал мужчину. «Что там нашла собака в белой сумке, салями?» – подсказал он мне ответ. «Да, – ответил я, боясь, что сейчас начнется досмотр чемодана, который не успела обнюхать собака. «Достань!» «Я съел, – стараясь не выдавать своего волнения, ответил я ему. – Это был бутерброд».

«В самолете плохо кормили?» – пошутил он. Я ответил улыбкой. Как хорошо, что я не пошел к женщине: она все еще подпрыгивала, предвкушая добычу. Полицейский расписался в декларации и указал мне на выход. С меня как будто сняли мешок весом килограммов в пятьдесят. Но что это: на меня нацелен пистолет полицейского, и мне приказано остановиться. Я вижу парня, который вроде бы равнодушно стоял за стеклянной перегородкой, когда я выбрасывал палку салями в урну.

Он смотрел в другую сторону и не должен был заметить... А сейчас указывает на меня рукой и говорит полицейскому: «Да, это он». В это время в аэропорту раздается сигнал тревоги. Началась суматоха, люди куда-то побежали. Меня окружили и надели наручники. Зачем я положил эту колбасу в сумку?! Думал, приеду, холодильник пустой – пригодится. А этот гад, который стоял за перегородкой, когда я выбрасывал колбасу в урну, делал вид, что меня не видит.

Накануне я видел в Интернете фото младшего брата Царнаева, подложившего взрывчатку, оставшегося в живых после взрыва на Бостонском марафоне. Неужели и меня ждет эта участь? Меня сопроводили в камеру и захлопнули за мной дверь. Стало совсем тихо. Я оказался в полнейшей изоляции. После этой суматохи в зале ожидания багажа, когда люди в панике разбежались, громко гудела сирена, я даже видел, как перепуганный ребенок вскочил на транспортную ленту и, плача, упал на чемоданы.

А с другой стороны, протягивая руки, к нему бежала мать.

Наручники с меня сняли, но на руках остались глубокие следы. Комната была абсолютно пуста. Я уселся на полу, а потом и лег, уставившись в потолок. В это время загремели ключи с обратной стороны двери. Вошли двое: один из них стал задавать мне вопросы. Я не все понимал, но понял главное: началось следствие по моему делу. Отвечать я отказался и потребовал адвоката. Они молча развернулись и ушли. Я снова уставился в потолок, в ушах звенела тишина. «За что это мне? – подумал я. – Ведь я, в принципе, спокойный и законопослушный. Но вокруг меня всегда столько шума!» Вот с моей Ириной этого бы никогда не случилось. Она бы никогда не положила колбасу в чемодан, никогда, даже при крайней необходимости, не выставила свою страницу на сайте знакомств, как это сделал я. Я читал недавно, что мой знак Водолей – самый беспокойный в гороскопе. От нас одни неприятности для окружающих. Если хорошо разобраться, то все революции возглавляли Водолеи. Я вспомнил совершенно изуми-

тельный американский фильм: «I am not Rappoport». Этот человек имел потребность обязательно кого-то зацепить. «Эй, Раппопорт», – кричал он прохожему через дорогу. А тот ему в ответ: «I am not Rappoport». А когда он с маленькой дочерью на плечах участвует в митинге, где все выступающие грозятся пойти и разгромить своих «врагов»? Мне показалось, что они все там были Водолеи.

В это время снова загремели ключи, отодвинулся засов, и ко мне в камеру привели еще двоих задержанных. Один из них был белый, другой – черный, огромный детина. Белый сразу принялся за дело: «Move! – кричал он мне. – Ты что тут расселся, подвинься».

«Don't touch him», – спокойно сказал ему детина. Но тот парень, по-видимому, обкуренный, весь в наколках, не унимался. Он подошел и стал сдвигать меня с моего места. А мне как-то было все равно. Я стал равнодушно рассматривать его наколки. Чего там только не было! В центре был граф Дракула с двумя выпадающими до груди зубами. От него щупальцами осьминога веером расходились клешни, которыми заканчивались его собственными руками и ногами. Завершала образ копна волос, скрученных в жгуты. Когда я уже был задвинут им в угол, то вдруг заметил, что он отпускает меня и удаляется как-то неестественно, пытаюсь за что-то ухватиться. Это другой, черный парень, поймал его за ногу и, подтянув к себе, подбросил, играючи, почти под потолок. «Вот это да, – подумал я. – С какой легкостью он это проделал!»

– Thank you, sir! – сказал я ему, хотя он мне во внуки годился.

– Don't worry! – ответил он, и все успокоилось.

В это время дверь открылась, и нам всем принесли «самолетный» обед.

– I'm not hungry, – сказал я черному.

– Sam, – представился он.

– Вам будет мало, возьмите мою порцию, – предложил я, пытаюсь хоть как-то отблагодарить его за свое спасение.

– Отдай, если не хочешь, этому ублюдку. Он всегда голодный. И перейди на другую сторону от меня. Я могу уснуть, а он без конфликта не может.

Я понял, что меня ждет продолжение. В это время дверь открылась, вошел полицейский и человек, который представился моим адвокатом. Адвокат сказал полицейскому: «Вы не должны содержать его вместе с этими людьми».

Наколотый вскочил на ноги и стал орать, обращаясь к черному:

– Я говорил тебе, что нам стукача подсадят, а ты не дал мне его расколоть.

– Их надо развести, – сказал еще раз мой адвокат.

И их увели. Я снова остался один. Спокойно вздохнул, расслабился и уставился в потолок. «Странные судьбы у людей», – подумал я.

Мне стало жалко ребят. Я бы больше узнал про этих парней. А вообще, я крепко попал, даже не знаю, кто меня выручит отсюда. Даже позвонить некому. Прошлой зимой, в конце лыжного сезона на Хантере, я «улетел» и сломал ребро. Позвонил домой, Ирина с детьми приехали и увезли меня в госпиталь...

Сейчас я один. Жена с детьми, мне же, как чукче, выписали вязанку дров и отправили в тундру. Дрова уже горят. Как надолго их хватит – вот вопрос!

Была у меня недавно, да и сейчас продолжается, переписка с одной женщиной. Вот та бы наверняка впряглась, будь она поближе. Лена меня сама нашла в Интернете и обратилась за советом. Она жила в приюте для бездомных, куда убежала от мужа-американца, который над ней издевался и даже душил ее однажды подушкой. Привез он ее с Украины. В Америке у нее никого. Не знаю, чем я вызвал ее доверие. Видимо, возрастом. Я ее пожалел и даже хотел купить билет, чтобы она прилетела ко мне на период до суда с мужем. Потом вдруг обстановка у нее изменилась. У них состоялась встреча, он дал ей денег и машину, попросив при этом прощения. Она ему установила испытательный срок, но, как написала мне, возвращаться

не собиралась и выразила желание переехать ко мне из Лас-Вегаса в Нью-Йорк. Мы с ней уже начали разрабатывать маршрут, потом я вдруг вспомнил нашу поездку с моим другом Борисом по Америке на его старом «вэне» из Колорадо, где он по моему совету работал фотографом. Я представил, как она пробирается через заросли кактусов по огромной пустыне Невада на старенькой машине, совсем одна, и отменил авантюру. Что она подумала, не знаю, только сразу нашла курсы водителей траков и пошла туда учиться. Видимо, поняла, что надо надеяться только на себя. Я думаю, что вот она бы точно впряглась, чтобы выручить меня.

«Бедный я, бедный», – подумал я и уснул.

...И вот передо мной так же, как несколько лет назад в Ницце, тоже в изолированной полицейской комнате 4x4, во всей своей красе явился господин Эжен Сю. Тогда меня задержали в аэропорту за просроченный американский паспорт. Я никогда не интересовался, как выглядела одежда французов XVIII века. Но сейчас воочию увидел, что они носили в то время. Да и манеры у него были соответствующие. В тот раз мы с ним обговорили много вопросов. Я ему рассказывал о Владимире Высоцком, а он мне – о Жанне д'Арк. Сейчас между нами снова началась непринужденная беседа, и он стал задавать мне вопросы личного характера.

– Скажите, синьор, – спросил он меня, – где вы были наиболее счастливы в своей достаточно продолжительной жизни?

«Откуда он знает, что я разменял уже девятый десяток?» – подумал я. Но мне были приятны эти воспоминания, и я решил ответить.

Детство – оно у всех детство. А вот из отрезков сознательной жизни, расталкивая всех локтями, на передний план выступил период моей жизни в Приэльбрусье.

И тут вдруг вместо Эжена Сю в его французском камзоле передо мной явился Махов Мусса Султанович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.